

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Г43

Серия «Эксклюзивная классика»

Hermann Hesse
UNTER RAD

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Г43 **Гессе, Герман.**

Под колесом : [роман] / Герман Гессе ; [перевод с немецкого Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-116775-2

Все свободное время одаренный и хрупкий мальчик Ханс Гибенрат посвящает учебе: засиживается до ночи за дополнительными занятиями и домашними заданиями, добровольно отказывается от любимой рыбалки и прогулок с друзьями, и все ради одной цели — сдать престижный, но безумно сложный «земельный экзамен» в семинарию.

И вот — планка взята, экзамен сдан блестяще, отец и учителя едва ли не лопаются от гордости. Но вместе с честолюбивыми замыслами в Хансе теперь день ото дня растет панический страх отстать, оступиться. В бессмысленной и беспощадной гонке за призрачными школьными успехами он все больше и больше попадает «под колесо» бездушной машины воспитания, которая губит все, к чему бы ни прикоснулась, от математики до стихов Гомера...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© All rights reserved by Suhrkamp Verlag Berlin

© Перевод. Н. Федорова, 2019

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-116775-2

Глава 1

Господин Йозеф Гибенрат, комиссионер и торговый агент, ни достоинствами, ни особыми качествами среди сограждан не выделялся. Подобно им, он обладал широкой крепкой фигурой, имел известную коммерческую жилку, соединенную с искренним и глубоким почитанием денег, а также небольшой дом с садиком да семейный склеп на кладбище, был не чужд слегка либеральной и уже небесспорной религиозности, с подобающим уважением относился к Господу и к начальству и слепо соблюдал железные заповеди бюргерской добропорядочности. Он позволял себе кружечку-другую вина, однако никогда не пил допьяна. Иной раз совершал не вполне безупречные сделки, никогда, однако, не выходя за пределы формально допустимого. Людей победнее он бранил нищетолюбивыми, а тех, кто побогаче, — спесив-

цами. Был членом Союза горожан и каждую пятницу играл в «Орле» в кегли, а кроме того, участвовал во всяком пекарном дне, снимал пробы мясных рагу и супов из колбасы. За работой курил дешевые сигары, а после трапезы и по воскресеньям — сигары сортом получше.

Внутренний же его мир можно назвать обывательским. Коли и была в нем отзывчивость, так она давным-давно покрылась пылью и, по сути, сводилась к традиционным, скупым родственным чувствам, гордости родным сыном и случайным порывам одарить чем-нибудь бедняков. Умственные его способности не превышали врожденной, строго отмеренной хитрости и умения хорошо считать. В чтении он ограничивался газетами, а чтобы удовлетворить потребность в искусствах, ему вполне хватало ежегодного любительского спектакля Общества горожан и эпизодических посещений цирка.

Он мог бы поменяться именем и жилищем с любым соседом — ничего бы не изменилось. Ведь и глубинную основу своей души — несусыпное недоверие ко всякой превосходящей силе и личности и инстинктивную, замешанную на зависти враждебность ко всему незаурядному, более свободному, более тонкому, одухотворенному — он разделял со всеми прочими городскими отцами семейств.

Довольно о нем. Лишь глубоко ироничный человек сумел бы описать эту банальную жизнь и ее неосознанный трагизм. Но у Гибенрата был единственный сын, и вот о нем-то стоит поговорить.

Ханс Гибенрат, без сомнения, был мальчик одаренный, тонкий; это сразу бросалось в глаза, едва только увидишь его среди других детей: он с ними не смешивался. Захолустный шварцвальдский городок еще не рождал подобных созданий, никогда не выходил оттуда человек, проникавший своим взором и влиянием за пределы обывательской узости. Бог весть, откуда у этого мальчугана взялись серьезные глаза, умный лоб и изящество в походке. Может быть, от матери? Она умерла много лет назад, а при жизни в ней не замечали ничего необычного, она разве что вечно прихварывала да тревожилась. Об отце вовсе говорить не приходится. Стало быть, поистине в старинный городишко, который за свои восемь-девять веков дал так много усердных бюргеров, но дотоле никогда не рождал ни единого таланта или гения, слетела из горних высей таинственная искра.

Прошедший современную выучку наблюдатель, памятуя о болезненной матери и о внушительном возрасте отца семейства, вероятно, повел бы разговор о гипертрофии интеллекта как

симптоме начинающегося вырождения. Однако, на счастье, людей этакого сорта в городе не проживало, и лишь те из чиновников и школьных учителей, кто помоложе да потолковее, почерпнули из журнальных статей смутное представление о существовании «современного человека». В этом захолустье ты пока мог жить и слыть образованным, понятия не имея о речах Заратустры*; браки здесь были прочными и нередко счастливыми, а жизнь в целом отличалась неискоренимой старомодностью. Благополучные, состоятельные бюргеры, иные из которых за последние два десятка лет вышли из ремесленников в фабриканты, хоть и снимали шляпу перед чиновниками и искали знакомства с ними, но меж собой называли их нищесбродами и чернильными душонками. И все-таки странным образом их обуревало честолюбивое желание дать сыновьям образование, чтобы те, глядишь, заделались чиновниками. Увы, почти всегда это оставалось прекрасной, несбывшейся мечтой, ибо наследники их большей частью даже латинскую школу одолевали с большим скрипом, сидя чуть не в каждом классе по два года.

В способностях Ханса Гибенрата сомневаться не приходилось. Учителя, директор шко-

* Намек на работу Фр. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883—1884).

лы, соседи, городской пастор, одноклассники и все окружающие признавали, что этот мальчуган — светлая голова и вообще особенный. Тем самым будущность его была предрешена. Ведь одаренным отрокам, коли их родители небогаты, в швабских краях открыта лишь одна-единственная узкая стезя: через земельный экзамен — в семинарию, оттуда — в Тюбингенский монастырь, а из монастыря на кафедру — либо на церковную, либо на учительскую. Год за годом три-четыре десятка здешних сынов ступают на эту скромную, надежную стезю; недавние конфирманты, исхудалые и переутомленные, постигают за казенный счет различные области гуманитарных знаний и спустя восемь-девять лет начинают вторую, обыкновенно более продолжительную часть своего жизненного пути, на котором им должно возместить государству полученные благодеяния.

Всего через несколько недель вновь предстоял «земельный экзамен». Так именуется ежегодная гекатомба, в ходе которой «государство» отбирает духовный цвет земли, меж тем как из городков и деревень к столице, где протекает экзамен, летят вздохи, молитвы и пожелания многочисленных семейств.

Ханс Гибенрат был единственным кандидатом, которого городок намеревался послать

на нелегкое состязание. Большая честь, но досталась она ему отнюдь не даром. За уроками в школе, продолжавшимися ежедневно до четырех, следовал дополнительный урок греческого у директора, в шесть городской пастор любезно давал повторительный урок латыни и религии, а кроме того, дважды в неделю после ужина происходили часовые занятия с учителем математики. В греческом наряду с неправильными глаголами особое внимание уделялось разнообразию соединения предложений, выражаемому посредством частиц; в латыни требовались ясность и краткость стиля и точное знание многих просодических тонкостей; в математике упор делался прежде всего на сложные задачи по тройному правилу. Эти задачи, как постоянно подчеркивал учитель, на первый взгляд, не имеют значения для дальнейшей учебы и жизни, однако ж только на первый взгляд. В действительности они очень важны, важнее даже иных главных предметов, ибо развивают логические способности и составляют основу ясного, трезвого и успешного мышления.

Впрочем, чтобы не случилось умственной перегрузки и чтобы за упражнениями ума не была забыта и не засохла душа, Хансу позволялось каждое утро, за час до школы, посещать занятия для будущих конфирмантов, где

из Бренцева катехизиса* и из увлекательного заучивания наизусть и декламирования вопросов и ответов в юные души проникало бодрящее дуновение религиозной жизни. К сожалению, он сам губил эти живительные уроки и лишал себя их благодати. Дело в том, что украдкой он вкладывал в катехизис исписанные листки, греческие и латинские вокабулы или упражнения и почти все время занимался этими мирскими науками. Однако совесть его не настолько притупилась, чтобы он беспрестанно не испытывал тягостной неуверенности и легкого страха. Когда декан подходил ближе к нему или выкликал его имя, он всякий раз испуганно вздрагивал, а когда должен был отвечать, вставал с потным лбом и сердцебиением. Но ответы были безупречно правильны, в том числе и касательно произношения, что декан весьма ценил.

Задания по письму или заучиванию наизусть, повторению и разбору, которые за день накапливались от урока к уроку, он затем поздно вечером делал дома при уютном свете лампы. Эта тихая, благостно обвеянная домашним умиротворением работа, по мнению классно-

* Имеется в виду катехизис, составленный Йоханнесом Бренцем (1499—1570), одним из самых влиятельных теологов Южной Германии.

го наставника, оказывала особенно глубокое и стимулирующее воздействие и по вторникам и субботам продолжалась обычно лишь часов до десяти, в другие же дни — до одиннадцати, до двенадцати, порой даже и за полночь. Отец немного ворчал по поводу непомерного расхода керосина, однако смотрел на эти штудии все-таки с одобрительной гордостью. Возможные часы досуга и воскресные дни, составляющие, ни много ни мало, седьмую часть нашей жизни, настоятельно рекомендовалось посвящать чтению кой-каких, не входящих в школьную программу авторов и повторению грамматики:

— Разумеется, в меру, в меру! Одна-две прогулки в неделю необходимы и творят чудеса. В хорошую погоду можно ведь и книгу захватить с собой на природу — сам увидишь, как легко и радостно идет учение на свежем воздухе. И, вообще, не унывай!

И Ханс, по возможности стараясь не унывать, отныне и прогулки тоже использовал для учения и ходил молчаливый, робкий, бледный от недосыпа, с темными кругами под усталыми глазами.

— Как вы полагаете, Гибенрат выдержит экзамен? — спросил однажды у директора классный наставник.

— Конечно, конечно, выдержит! — радостно вскричал директор. — Мальчик очень умен; вы только посмотрите — вид у него поистине одухотворенный.

За последние восемь дней одухотворенность сделалась совершенно очевидной. На миловидном, нежном мальчишечьем лице тоскливым огнем горели глубоко запавшие, тревожные глаза, по красивому лбу рябью пробегали мелкие, выдающие ум морщинки, а руки, и без того тонкие, худые, висели с усталой грацией, напоминающей Боттичелли.

И вот настала пора. Завтра утром Ханс поедет с отцом в Штутгарт и там покажет на земельном экзамене, достоин ли войти в узкую монастырскую калитку семинарии. И только что он побывал с прощальным визитом у директора латинской школы.

— Сегодня вечером, — с необычной мягкостью сказал в заключение грозный властелин, — работать тебе больше нельзя. Обещай мне. Завтра в Штутгарте ты должен быть абсолютно свежим и бодрым. Ступай прогуляйся еще часок, а затем пораньше ложись спать. Молодым людям сон необходим.

Ханс удивился, что на него не обрушились устрашающую лавину советов, но встретили с таким благожелательством, и, облегченно

вздыхнув, покинул школьное здание. Пышные липы Кирхберга тускло поблескивали в горячих лучах предвечернего солнца, на Рыночной площади плескали, искрясь, два больших фонтана, совсем близко над зубчатой линией кровель возвышались иссиня-черные, поросшие елями горы. Мальчугану казалось, он очень давно не видел этой картины, и все представлялось ему необычайно красивым и заманчивым. Правда, голова болела, но ведь сегодня уже не надо садиться за учебники.

Он медленно прошагал через Рыночную площадь, мимо старинной ратуши, по Рыночному переулку и мимо ножовой мастерской к старому мосту. Там он некоторое время бродил туда-сюда и, в конце концов, сел на широкий парапет. Неделями и месяцами он по четыре раза в день проходил здесь, не замечая ни готической мостовой часовенки, ни реки, ни шлюза, ни запруды, ни мельницы, ни даже луга и окаймленных ивами берегов, где одна подле другой располагаются дубильни, а глубокая, зеленая река течет так медленно, что кажется озером, и гибкие, острые ветви ив свисают прямо в воду.

Теперь ему вспомнилось, сколько раз он проводил здесь время — до полудня, а то и до самого вечера, как часто плавал здесь, и нырял,

и катался на лодке, и удил рыбу. Ах, рыбалка! Он почти разучился ловить рыбу и забыл, как это делается, а в прошлом году так горько плакал, когда ему запретили рыбачить, из-за экзамена. Рыбалка! Это же самое прекрасное за все долгие школьные годы. Стоишь в сквозистой тени ив, слышишь неподалеку плеск мельничных запруд, видишь глубокую, спокойную воду! А игра огоньков на реке, мягкое покачивание длинного удилица, волнение, когда рыба и клюет и тянет лесу, и совершенно особенная радость, когда держишь в руке прохладную, упругую, трепещущую рыбку!

Ведь ему доводилось вытаскивать и крепких карпов, и плотву, и чебаков, а еще нежных ливней и мелких, ярких гольянов. Ханс долго смотрел на воду, и зрелище зеленого речного уголка навеяло на него задумчивость, печаль и ощущение, что чудесные, вольные, бесшабашные мальчишечьи радости остались далеко-далеко. Машинально он вытащил из кармана кусок хлеба и принялся катать из мякиша большие и маленькие шарики, бросая их в воду и глядя, как они тонут и как рыбы их заглатывают. Сначала приплыли маленькие золотистые ряпушки и уклейки, которые жадно хватали мелкие шарики, а крупные беспорядочно толкали перед собой голодными ртами. Потом медлен-

но и осторожно приблизилась довольно крупная плотва, чья широкая темная спина едва заметно проступала на фоне дна, она не спеша скользнула вокруг хлебного шарика, а затем тот исчез во внезапно распахнувшейся круглой пасти. От вяло текущей воды шел теплый сырой запах, несколько светлых облачков смутно отражались в зеленой глади, на мельнице пыхтела циркульная пила, а плеск обеих запруд сливался в один ровный басовый тон. Мальчик думал о недавнем воскресенье, когда состоялась конфирмация и в разгар праздничного волнения он поймал себя на том, что повторяет про себя греческий глагол. Последнее время в мыслях у него вообще частенько царила путаница, и в школе он тоже думал не о лежащей перед ним работе, а о предыдущей или о следующей.

Вполне возможно, с экзаменом все будет хорошо!

Он рассеянно слез с парапета, не зная, куда бы пойти. И очень испугался, когда сильная рука схватила его за плечо и приветливый мужской голос произнес:

— Здравствуй, Ханс, не проводишь меня немножко?

Это оказался сапожник, мастер Флайг, к которому он раньше иной раз заходил вечером на часок, но у которого давно уже не бывал. Ханс

шел рядом, вполуха слушая, о чем говорит набожный пиетист*. Флайг говорил об экзамене, желал удачи и ободрял, а в первую очередь убеждал, что подобный экзамен вообще лишь чисто показное и случайное. Срезаться — не позор, от такого и самый лучший не застрахован, и коли так произойдет, ему надобно помнить, что Господь для всякой души имеет особенные намерения и ведет ее своим путем.

Перед этим человеком совесть у Ханса была не вполне чиста. Он испытывал глубокое уважение к нему и его уверенному, внушительному нраву, однако же слышал про пиетистов великое множество анекдотов и смеялся вместе со всеми, нередко кривя при этом душой, а вдобавок невольно стыдился собственной трусости, ведь с некоторых пор он едва ли не со страхом избегал сапожника из-за его настойчивых расспросов. С тех пор как он стал гордостью наставников и сам сделался несколько заносчив, мастер Флайг часто смотрел на него как-то странно и пытался призвать к кротости. Оттого-то благонамеренный попечитель мало-помалу упустил душу мальчугана, ведь Ханс на-

* Пиетист — приверженец пиетизма, движения в протестантизме, стремящегося к личному благочестию и деятельной любви к ближнему; в народе пиетистов нередко считали ханжами.